

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 58

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас...» (С)

Мысли — это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

☞ Так как у нас Независимое Издательство, мы хотим размещать максимально возможное количество современных авторов, если их произведения не нарушают законодательство РФ. Так все права и ответственность за произведения остаются за автором. Пунктуация и орфография так же сохраняются в оригинальном виде, за исключением покупки услуги «проверка текста». ☞

ISBN: 978-1-326-34579-2

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Морфиус

2 место: Надежда Мельник

3 место: Сергей Николаев

Содержание

Морфиус	5
Надежда Мельник.....	13
Сергей Николаев	35
Екатерина Викторовна Манакова (KaterinaM)	38
Екатерина Мадебейкина	44
Любовь Дербасова	46
Контактная информация	57

Морфиус

Зимний лес

После снегопада лес замер в тишине. Там, где днём ещё потрескивал мороз и шелестел ветер, теперь царит вечернее безмолвие — густое, почти осязаемое. Сквозь окно тусклый свет настольной лампы падает на заснеженную опушку, отражаясь в стекле мутным золотом. В глубине комнаты, в старом кожаном кресле, сидит писатель. Высокий, с лёгкой сутулостью и проседью в тёмных волосах, он держит в пальцах тонкую сигарету. Лицо резкое, с чётко очерченными скулами и внимательным, усталым взглядом. Он вглядывается в сумрак за окном, будто пытаясь выловить из него ускользающую мысль.

Сегодня слова не шли. Они кружили вокруг, прятались в тених, оседали пеплом в пепельнице, но не ложились на бумагу. Он думал о времени, о тех историях, что так и остались ненаписанными — о людях, которых он придумал, но не успел оживить. В голове вспыхивали образы, строки, фразы, но всё казалось не тем, недостаточно сильным, недостаточно правдивым. Он затаился, и дым мягко рассеялся в полумраке, смешавшись с ароматом бумаги и старых книг. Комната дышала тишиной — густой, почти священной.

И вдруг, среди этого хрупкого покоя, зашкрипела дверь. Тихо, но достаточно, чтобы нарушить течение мыслей. Писатель обернулся — машинально, без тревоги, но с каким-то внутренним замиранием. Входная дверь давно рассохлась, и каждый её вздох звучал будто напоминание: ты здесь не один. Хотя он знал — один.

Скрип угас, как эхо, и вновь повисла тишина. Он снова посмотрел в окно, но мысли уже были в другом месте. В рукописи, что ждала его на письменном столе. Незаконченный роман. Полуфразы. Герои,

остановившиеся посреди диалога, будто замерли в ожидании, когда он, наконец, вернётся к ним. Сколько уже месяцев он откладывал это? Сколько раз убеждал себя, что «ещё не время»? Но время — это то, что уходит всегда, особенно когда кажется, что его ещё много. Он потушил сигарету, встал и направился к столу, будто наконец принял решение. Бумага лежала перед ним — чистая, терпеливо ждущая. Рядом — раскрытая наполовину тетрадь с набросками: отрывки диалогов, зарисовки сцен, имена героев, которые ещё не обрели голос.

Он взял перо, но не стал писать сразу. Сначала просто смотрел на страницы, будто пытался вспомнить, с чего всё начиналось. Его роман был не просто вымыслом — он был отражением утраты. Месяцы назад из его жизни ушёл человек, ради которого он писал. Не внезапно — медленно, болезненно, по дням и строкам. С той поры слова потускнели. Каждый абзац казался предательством, как будто он пытался оживить ту, что нельзя вернуть. Он не писал не потому, что не мог, а потому что боялся закончить. Роман был их общей историей. Закончить его — значило поставить последнюю точку в жизни, которую он всё ещё хранил в себе.

Писатель провёл рукой по лицу, встал и подошёл к окну. За ним всё ещё лежал лес, безмолвный и неподвижный. Снег отражал лунный свет, и деревья казались вырезанными из серебра. Он уже хотел отвернуться — но вдруг заметил: на опушке, между двумя соснами, стоит чья-то фигура. Тёмная, едва различимая, но несомненно знакомая. Он прищурился, стараясь разглядеть. Фигура не двигалась. Она просто стояла, как будто смотрела прямо на него. Сердце забило быстрее — не от страха, а от странного, интуитивного узнавания. Он распахнул окно, и холодный воздух хлынул в комнату.

— Кто вы? — окликнул он, и голос его прозвучал в тишине непривычно громко.

Силуэт не шевельнулся. Несколько секунд фигура просто стояла, словно высеченная из тени. А потом — пропала. Не побежала, не ушла. Просто — словно растворилась в воздухе. Как будто её там никогда и не было. Писатель замер, вглядываясь в опушку с недоверчивым напряжением. Пусто. Лишь холод и неподвижность. Он закрыл окно и остался стоять, прижимая ладони к раме. Внутри что-то дрогнуло — не страх, нет. Что-то иное. Щемящее, странное чувство, как будто прошлое вновь постучалось в его мир.

Он медленно обернулся и посмотрел на рукопись. Впервые за долгое время ему захотелось писать. Не потому, что должен, а потому, что не мог иначе. Писатель медленно отошёл от окна и сел за письменный стол. Рукопись лежала перед ним, но сейчас ему хотелось начать с другого — с той самой истории, что навсегда изменила его жизнь.

Он взял перо и начал писать: «Я встретил её во Франции, в маленьком кафе на окраине Парижа. Она сидела у окна, и читала книгу. Время казалось замедленным. Свет мягко ложился на её волосы, играя золотистыми бликами. Это было мгновение, когда весь мир вдруг перестал существовать, и осталась только она — словно открытая страница, которую я хотел читать снова и снова...» Пальцы плавно скользили по бумаге, строки появлялись одна за другой. Воспоминания оживали с каждой буквой, согревая душу, растворяя тяжесть ночи. «Она улыбнулась, не отрывая взгляда от страницы. Это была улыбка, полная лёгкости и тайны — словно она знала что-то, что было недоступно другим. Я подошёл и, не находя слов, просто сел рядом. Воздух был наполнен ароматом свежесваренного кофе, с улицы доносилась лёгкая французской музыка, «La Vie en rose» Эдит Пиаф.

Мы говорили мало, но каждое слово, казалось, наполнено смыслом. Её голос звучал как мелодия, мягкий и уверенный одновременно. Я слушал, не решаясь отвести взгляд, боясь потерять хоть мгновение.

В тот вечер Париж казался другим — не просто городом света, а местом, где могут происходить чудеса. И в этот момент я понял: встреча с ней была началом новой главы моей жизни».

После той судьбоносной встречи с Элен его жизнь преобразилась. Жан впервые за долгое время почувствовал, как слова легко льются на бумагу, словно сама судьба наполняет его перо вдохновением.

Жан с головой окунулся в работу. Его первые рассказы и роман, пропитанные воспоминаниями о Париже и о первых встречах с ней, быстро завоевали сердца читателей. Книги расходились мгновенно — в книжных магазинах их раскупали, критики восторженно отзывались о его прозе, а литературные вечера и презентации становились настоящими событиями. На первой крупной презентации своего нового романа писатель не мог скрыть волнения. Когда под аплодисменты в зале появился первый экземпляр книги, он подошёл к Элен и с трепетом в голосе протянул ей подарок.

— Это для тебя, — сказал он. — Без тебя этой истории не было бы вовсе.

Элен улыбнулась, и в её глазах засветилась та самая искра, что когда-то впервые заставила Жана поверить в себя и в силу слова. С этого момента их жизни переплелись навсегда, и Жан стал не просто писателем — он стал голосом любви, памяти и надежды для многих.

Писатель остановился, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Воспоминания снова перенесли его вдаль — теперь уже к другому моменту, к тому дню, когда в его жизни появился соперник.

«Это случилось через несколько недель после той встречи. Мы с ней гуляли по узким улочкам Монмартра, когда внезапно рядом появился он — высокий, уверенный, с лёгкой усмешкой и взглядом, который словно бросал вызов всему миру.

Он подошёл, словно притягивая внимание всех вокруг, и представился как Антуан — человек, с которым казалось, что она давно знакома. Его слова звучали легко, но за ними скрывалась какая-то сила, которая заставляла меня почувствовать себя чужим в этом городе, в её жизни.

Я видел, как её глаза слегка заблестели, когда он говорил, и в тот момент мне впервые стало ясно: это не просто случайный знакомый, а человек, с которым мне придётся бороться — не за неё, а за возможность рассказать нашу историю.»

Писатель сжал перо в кулаке, почувствовав знакомую горечь, но и какую-то новую решимость.

Писатель глубоко вздохнул и снова опустил взгляд на свою рукопись. Воспоминания покатались тяжёлой волной. «Она заболела неожиданно. Сначала это казалось чем-то незначительным. Но с каждым днём её лицо всё больше теряло яркость, а глаза — ту светлую искру, что когда-то манила меня издалека.

Я сидел рядом, держа её руку, чувствуя, как тепло уходит медленно, словно песок сквозь пальцы. Её дыхание становилось всё слабее, а улыбка — всё тусклее, но она старалась не показывать боли, чтобы не тревожить меня.

В те последние дни комнаты наполнялись тишиной, нарушаемой лишь редкими вздохами и шёпотом воспоминаний, которые мы пытались сохранить.

Писатель вновь опустился в кресло, терзаясь воспоминаниями, когда резкий звук — взломанная дверь — вырвал его из дум. В комнату ворвался высокий силуэт. Тень, знакомая и жуткая одновременно. Это был Антуан.

— Ты думал, что сможешь оставить всё так? — холодно произнёс он, приближаясь. — Что она будет твоей вечной музой, а я — просто тень из прошлого?

Писатель поднял голову, встретив взгляд соперника.

— Почему? — тихо спросил он. — Почему ты пришёл с ножом?

Антуан усмехнулся, боль и ненависть горели в его глазах.

— Потому что это ты её убил. Если бы она была со мной, она бы не умерла. Ты забрал у меня её жизнь. А теперь я забираю твою.

Писатель ощутил холод лезвия на своей шее. В его сознании вспыхнули образы — первые встречи, прогулки по Парижу, последние дни, наполненные страданием.

— Ты ошибаешься, Антуан, — прошептал он. — Она умерла не из-за меня. Это была судьба, и её любовь была больше, чем боль, которую мы несли.

Но слова утонули в темноте, когда мир вокруг писателя погрузился в тишину. Его дыхание замерло, а сознание покинуло тело.

Антуан стоял над ним, тяжело дыша. В комнате вновь воцарилась тишина — холодная, как зимний лес за окном. Он стоял в тени комнаты, наблюдая за Жаном — человеком, которого он когда-то считал соперником, а теперь — виновником самой страшной утраты в своей жизни. Он вспоминал дни, когда Элен была рядом, как её смех наполнял его, и как медленно, но неумолимо болезнь забирала её жизнь. Каждое воспоминание сжимало его сердце всё сильнее, разжигая в душе пламя мести. Для Антуана это был не просто акт гнева — это была попытка найти ответ, обрести смысл и заглушить боль, которая сжигала его изнутри.

Он знал, что Жан — это тот, кто отнял у него любовь Элен. И теперь писатель стал символом утраты и несправедливости. В эту ночь, когда Антуан ворвался в дом Жана, он уже принял решение. Он пришёл не только